

Научная статья / Research Article

УДК: 316.013

ББК: 60.54

DOI: 10.14258/ssi(2026)1–10

Социальный капитал молодежи Вологодской области: динамика и особенности

Николай Николаевич Ясников

Вологодский научный центр РАН, г. Вологда, Россия, nyasnikov94@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1845-154X>

Аннотация. В условиях постпандемийного восстановления и геополитической напряженности внутренние ресурсы сообществ, основанные на доверии и взаимопомощи, приобретают решающее значение для устойчивого развития. Социальный капитал молодежи выступает ключевым фактором адаптации нового поколения к вызовам времени, однако его динамика в региональном разрезе остается недостаточно изученной. Проблема заключается в противоречии между декларируемой значимостью социального капитала и дефицитом исследований, отслеживающих его изменения во временной перспективе.

Цель работы — выявить изменения в структуре социального капитала молодежи Вологодской области и характере его связи с социальными настроениями в период с 2024 по 2025 г. Исследование базируется на индикаторной модели социального капитала, рассматривающей его как результат синергии доверия, социальных сетей и разделяемых ценностей. Эмпирической основой выступили данные опроса общественного мнения ВолНЦ РАН 2025 г. ($n = 1500$, квотная выборка). Анализ строится на прямом сопоставлении с аналогичным исследованием 2024 г., что позволяет перейти от статичной оценки к анализу динамики. Выявлено небольшое перераспределение структуры социального капитала в сторону роста групп со средними и высокими уровнями. Подтверждена устойчивая связь социального капитала с позитивным эмоциональным состоянием и удовлетворенностью локальным положением дел. Однако в 2025 г. зафиксированы качественные сдвиги в настроениях наиболее социально активной молодежи: резкое снижение удовлетворенности положением дел в стране при сохранении лояльности региональному уровню, рост ценностной неопределенности в вопросе «стабильность vs перемены», а также более сдержанная оценка справедливости общественного устройства. Сделан вывод о том, что накопленный социальный капитал выступает не только ресурсом позитивного восприятия, но и инструментом критической рефлексии: наиболее интегрированная молодежь первой реагирует на усложнение общественной повестки.

Научная новизна заключается в переходе от констатации статичных взаимосвязей к выявлению их нелинейной динамики во времени. Результаты могут быть использованы при разработке региональной молодежной политики, ориентированной на поддержку наиболее активных групп, демонстрирующих запрос на содержательный диалог с властью, а не на безусловную лояльность.

Ключевые слова: социальный капитал, молодежь, Вологодская область, динамика, социальные настроения, сравнительный анализ

Для цитирования: Ясников Н.Н. Социальный капитал молодежи Вологодской области: динамика и особенности // *Society and Security Insights*. 2026. Т. 9, № 1. С. 184–200. doi: 10.14258/ssi(2026)1–10

Social Capital of Youth in the Vologda Oblast: Dynamics and Features

Nikolai N. Yasnikov

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.
nyasnikov94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1845-154X>

Abstract: In the context of post-pandemic recovery and ongoing geopolitical tensions, the internal resources of communities, based on trust and mutual assistance, are becoming crucial for sustainable development. The social capital of youth acts as a key factor in the adaptation of the new generation to contemporary challenges; however, its dynamics at the regional level remain insufficiently studied. The problem lies in the contradiction between the declared significance of social capital and the scarcity of research tracking its changes over time.

The aim of this work is to identify changes in the structure of social capital among the youth of the Vologda Oblast and the nature of its connection with social attitudes between 2024 and 2025. The study is based on an indicator model of social capital, which views it as the result of a synergy between trust, social networks, and shared values. The empirical basis is data from a 2025 public opinion survey conducted by the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (n = 1500, quota sample). The analysis is built on a direct comparison with a similar study from 2024, allowing a shift from a static assessment to an analysis of dynamics. A slight redistribution in the structure of social capital was revealed, with growth in groups possessing medium and high levels. A stable connection between social capital and a positive emotional state, as well as satisfaction with local affairs, was confirmed. However, in 2025, qualitative shifts were recorded in the attitudes of the most socially active youth: a sharp decline in satisfaction with the state of affairs in the country while maintaining loyalty to the regional level, an increase in value uncertainty regarding the “stability vs. change” dichotomy, and a more restrained assessment of the fairness of the social system. It is concluded that accumulated social capital serves not only as a resource for positive perception but also as a tool for critical reflection: the most integrated youth are the first to react to the increasing complexity of the public agenda.

The scientific novelty lies in the transition from stating static correlations to identifying their nonlinear dynamics over time. The results can be used in the development of regional youth policy aimed at supporting the most active groups, which demonstrate a demand for meaningful dialogue with the authorities, rather than unconditional loyalty.

Keywords: social capital, youth, Vologda Oblast, dynamics, social attitudes, comparative analysis

For citation: Yasnikov, N. N. (2026). Social Capital of Youth in the Vologda Oblast: Dynamics and Features. *Society and Security Insights*, 9(1), 184–200. doi: 10.14258/ssi(2026)1–10

Введение

Актуальность изучения социального капитала в последние годы только возрастает. В эпоху постпандемийного восстановления и сохраняющейся геополитической напряженности именно внутренние ресурсы сообществ, основанные на доверии и взаимопомощи, становятся фундаментом устойчивости. Понимание того, как социальные связи помогают индивидам и группам адаптироваться к новым вызовам, является критически важным для разработки эффективной социальной политики.

Особый исследовательский интерес представляет социальный капитал молодежи. Молодое поколение не просто усваивает существующие нормы, но и активно формирует новые модели социального взаимодействия, выступая агентом изменений в экономике, культуре и политике. От того, насколько успешно молодые люди выстраивают сети доверия и взаимопомощи, зависит их будущая профессиональная реализация, социальная мобильность и готовность к участию в жизни общества.

Мировой исследовательский ландшафт демонстрирует устойчивый интерес к этой теме. В работах последних лет социальный капитал молодежи связывается с образовательными стратегиями (Jordan, 2022; Kan, 2023), физическим и психическим здоровьем (Mou, 2025; Sung-joon, 2018; Kim, 2022) и успешностью трудоустройства (Jinho, 2022). Вклад социального капитала в развитие молодежи исследуется в контексте решения широкого спектра задач — от образования до психоэмоциональной устойчивости. В образовательной сфере доказано, что социальные связи повышают мотивацию к учебе (Ogden, 2021) и выполняют критическую функцию социального лифта, помогая сиротам и бездомным подросткам оставаться в школе и избегать пропусков занятий (Skobba, Meyers, 2018; Skobba, 2018). В сфере психологического благополучия зарубежные авторы фиксируют положительное влияние сетевого взаимодействия (в том числе через мессенджеры) на снижение стресса и успешность социальной интеграции (Vano, 2019). Также установлена прямая связь между уровнем социального капитала и субъективным ощущением счастья в молодежной среде (Iqbal, 2023). Помимо индивидуальных эффектов, социальный капитал значим на институциональном и общественном уровнях. Он рассматривается как краеугольный камень развития гражданского общества (Dolan, 2022). Специализированные общественные программы, нацеленные на его укрепление, способствуют росту трудоспособности молодежи (Boat, 2021). Кроме того, высокий уровень социальной связности в молодежной среде улучшает среду проживания в локальных сообществах, в частности, через активизацию волонтерских практик (Pearce, 2019).

Российские исследователи также вносят вклад в эту дискуссию, изучая институциональное доверие (Гусева, 2024; Петухов, 2024), роль социального капитала в академической карьере (Пеша, 2023), взаимосвязи университетов и работодателей (Апенько, 2024) и коллективных действиях (Гужавина, 2022). Тем не менее сохраняется необходимость в эмпирических работах, отслеживающих динамику социального капитала внутри страны. Данное исследование является логическим продолжением нашей работы 2025 г. (Ясников, 2025) и направлено на анализ изменений, произошедших в структуре социального капитала вологодской молодежи за год.

Методология

В основе диагностики социального капитала респондентов лежит многомерная индикаторная модель, апробированная в ряде региональных исследований и детально описанная в профильных монографиях, посвященных региональному социальному капиталу и коллективным действиям⁵⁹ (Региональный социальный капитал ..., 2018; Коллективные действия и социальный капитал, 2022). Теоретический конструкт модели базируется на трех ключевых измерениях, которые в синергии своей образуют и складываются в социальный капитал: доверии, сетях и ценностях. Итоговый индекс социального капитала **Иск** представляет собой среднее арифметическое трех субиндексов, каждый из которых агрегирует группу эмпирических индикаторов, объединенных общим концептуальным основанием:

$$\text{Иск} = (\text{И}_{\text{доверие}} + \text{И}_{\text{сети}} + \text{И}_{\text{ценности}}) / 3.$$

Субиндекс доверия. Доверие традиционно рассматривается как один из фундаментальных факторов формирования социального капитала, выполняя функцию редукции социальной сложности и снижения трансакционных издержек при взаимодействии. В рамках используемой модели данный субиндекс конструируется как многокомпонентная величина, включающая три эмпирические проекции, каждая из которых фиксирует определенный ракурс доверительных отношений. Первая проекция, *генерализованное (обобщенное) доверие*, — отражает предельно широкие установки индивида относительно того, можно ли доверять людям в целом, независимо от их групповой принадлежности. Этот компонент фиксирует своего рода «базовый уровень» доверия, характеризующий восприятие социальной среды как преимущественно дружественной либо враждебной. Вторая проекция, *межличностное доверие*, — конкретизирует данную установку применительно к ближайшему окружению респондента: родственникам, друзьям, соседям, коллегам по работе или учебе. Именно этот уровень доверия обеспечивает повседневную кооперацию и формирует первичную ткань социальных отношений. Третья проекция, *институциональное доверие*, — выходит за рамки межличностных взаимодействий и характеризует отношение индивида к социальным и политическим институтам, а также к профессиональным группам, выполняющим общественно значимые функции. Данный компонент позволяет оценить, в какой степени респондент воспринимает институциональную среду как легитимную и заслуживающую доверия.

Субиндекс социальных сетей. Включенность в социальные сети, как формальные, так и неформальные, входит в базовые составляющие индикаторной модели, поскольку именно через сетевые структуры осуществляется циркуляция ресурсов, информации и взаимных обязательств. Данный показатель ориентирован на комплексную оценку реальной включенности индивида в систему го-

⁵⁹ Грант № 16–03–00188–ОГН «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», Грант № 19–011–0724/19 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне».

горизонтальных связей и может быть рассмотрен в двух аспектах: потенциальном и актуальном. В рамках данного субиндекса у респондента фиксируется наличие устойчивого круга общения, к которому можно обратиться за помощью в сложной жизненной ситуации. Эмпирическими референтами здесь выступают такие показатели, как наличие друзей, способных оказать ресурсную поддержку, присутствие людей из ближнего или дальнего окружения, готовых прийти на выручку, а также общая оценка плотности и надежности межличностных связей. Здесь же отражаются и реальные практики кооперативного поведения (например, членство в общественных организациях различной направленности, участие в коллективных акциях и совместных мероприятиях, вовлеченность в волонтерскую деятельность). Таким образом, в структуру субиндекса закладываются индикаторы, позволяющие дифференцировать респондентов как по наличию у них сетевых ресурсов, так и по степени их практической реализации.

Субиндекс ценностных установок. Третий блок модели призван зафиксировать внутренние диспозиции, ценностные ориентации и установки сознания, которые выступают мотивационной основой для формирования и поддержания социального капитала респондента. Данный компонент является наиболее сложным по своей структуре, поскольку включает несколько содержательных уровней.

Первый уровень, *солидарностные установки*, — отражает декларируемую готовность индивида к объединению усилий с другими людьми для достижения общих целей. Здесь важно различать абстрактную готовность к кооперации («вообще»), фиксирующую общую ценностную ориентацию на солидарность, и конкретную готовность, проявляющуюся в отношении решения определенных задач, стоящих перед сообществом. Второй уровень, *локус ответственности*, — характеризует представления респондента о том, от кого (от него самого или от внешних обстоятельств, включая государство и его институты) преимущественно зависит благополучие его жизни. Данный показатель позволяет судить о том, насколько индивид склонен полагаться на собственные силы и собственные социальные связи в решении жизненных проблем. Третий уровень, *субъективная оценка влияния*, — фиксирует ощущение респондентом возможности воздействовать на положение дел на разных уровнях социальной организации: от локального (ситуация в доме, дворе, микрорайоне) до регионального и национального. Этот компонент отражает степень субъективной включенности в общественные процессы и веру в результативность собственных действий.

Итоговый расчет интегрального индекса социального капитала осуществляется в несколько этапов и предполагает обработку более 40 первичных показателей, полученных в ходе анкетного опроса. На первом этапе производится нормирование ответов, т.е. перевод качественных (номинальных и порядковых) данных в количественную шкалу, пригодную для дальнейших математических операций. На втором этапе последовательно рассчитываются частные субиндексы (доверия, сетей и ценностей) путем агрегирования соответствующих нормированных показателей. На третьем этапе вычисляется итоговый ин-

тегральный индекс **Иск** для каждого респондента как среднее арифметическое трех субиндексов.

На заключительном этапе анализа для перехода от линейных количественных показателей к качественной дифференциации исследуемой совокупности применяется процедура группировки (типологизации). Вся совокупность респондентов распределяется по пяти типологическим группам в зависимости от величины интегрального индекса. Выделенные группы характеризуют различные уровни обладания социальным капиталом и могут быть содержательно интерпретированы следующим образом.

Тип/Уровень 1 (минимальный уровень социального капитала) объединяет респондентов с наиболее низкими значениями интегрального индекса. Для данной группы характерно доминирование негативных или пассивных позиций по большинству ключевых индикаторов: преобладает недоверие к окружающим (как на межличностном, так и на институциональном уровне), фиксируется отсутствие или крайняя слабость социальных связей, неготовность к объединению и совместным действиям, ощущение невозможности повлиять на происходящее.

Тип/Уровень 2 (низкий уровень социального капитала) включает респондентов, чьи значения индекса несколько выше, чем у предыдущей группы, однако общий вектор сохраняет смещение в сторону социальной изоляции и дефицита доверия. В этой группе могут присутствовать отдельные позитивные установки или отдельные сетевые связи, но они носят фрагментарный характер и не образуют устойчивой системы.

Тип/Уровень 3 (средний уровень социального капитала) представляет собой «серединную» группу, демонстрирующую противоречивое сочетание показателей. Респонденты данного типа могут доверять ближайшему окружению, но испытывать недоверие к институтам; иметь некоторый круг общения, но не участвовать в коллективных действиях; декларировать готовность к объединению, но не реализовывать ее на практике. Социальный капитал здесь присутствует фрагментарно, не достигая уровня, позволяющего говорить о его системном характере.

Тип/Уровень 4 (относительно высокий уровень социального капитала) в основном составляют респонденты, у которых зафиксировано устойчивое доверие (как минимум на межличностном уровне), наличие развитых социальных сетей и выраженные солидарностные установки. Представители этой группы, как правило, имеют опыт участия в общественной жизни, обладают более широким кругом общения и демонстрируют готовность к кооперации при решении конкретных задач.

Тип/Уровень 5 (высокий уровень социального капитала) характеризуется максимальными значениями по всем трем субиндексам. Респонденты, отнесенные к данному типу, отличаются высоким уровнем доверия (как генерализованного, так и институционального), активной включенностью в разнообразные социальные сети (включая формальные организации), устойчивой готовностью к объединению и совместным действиям, а также ощущением субъективного контроля над собственной жизнью и возможности влиять на происходящее в обществе. Данная группа может рассматриваться как носитель «идеального типа» социального капи-

тала в рамках используемой модели (более подробно о механике распределение респондентов см. (Коллективные действия и социальный капитал, 2022)).

Предложенная типологизация позволяет перейти от рассмотрения социального капитала как линейной переменной к его качественной дифференциации, что дает возможность проследить, как различия в уровне и структуре социального капитала связаны с социальными настроениями респондентов, их оценками действительности и поведенческими стратегиями.

Что касается самой молодежи, то вслед за В. Т. Лисовским (Лисовский, 2000) мы определяем молодежь как поколение, находящееся на стадии социализации и осваивающее социальные функции, с возрастными границами от 16 до 30 лет.

Информационную базу исследования составили опросы общественного мнения, проведенные ВолНЦ РАН в 2024 и 2025 гг. (в каждом опросе $n = 1500$, квотная выборка, доля молодежи — респондентов в возрастном диапазоне 18–30 лет включительно — ~15,6%). Анализ данных 2025 г. проводится в сопоставлении с результатами 2024 г., что позволяет перейти от статичной оценки к анализу динамики социального капитала молодежи региона.

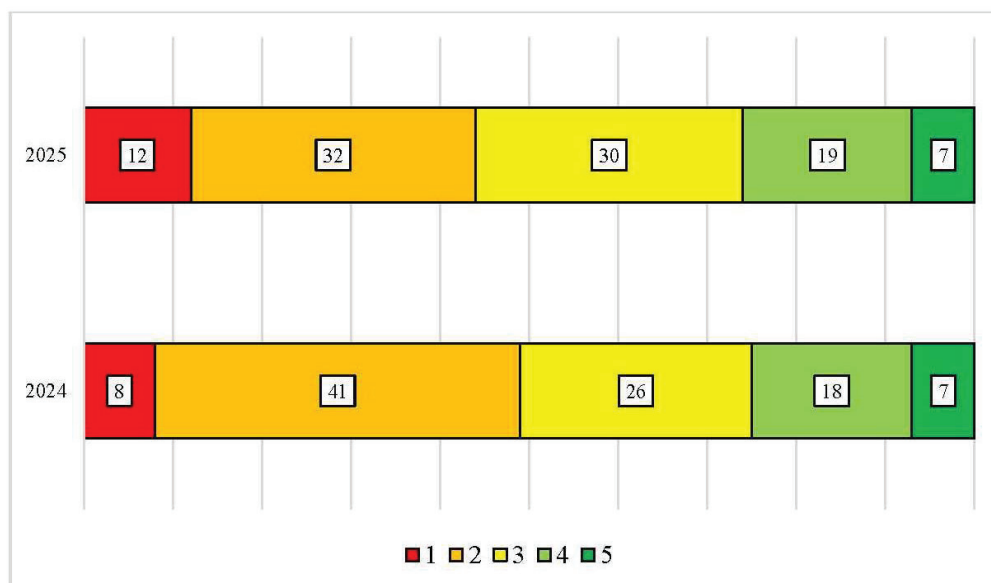
Результаты исследования и обсуждение

Анализ структуры социального капитала в 2025 г. выявил разнонаправленную динамику, свидетельствующую о процессах поляризации в молодежной среде (рис.). Если в 2024 г. почти половина опрошенных концентрировалась на низких уровнях (1–2-м), то данные 2025 г. фиксируют более сложную картину перераспределения.

С одной стороны, наблюдается позитивный сдвиг: доля респондентов со второго (низкого) уровня социального капитала сократилась на 9%. Освободившаяся ниша отчасти заполнилась за счет роста групп со средним (3-й уровень) и относительно высоким (4-й уровень) социальным капиталом. Это может свидетельствовать о постепенном процессе накопления социальных связей и доверия у части молодежи, ее переходе в более ресурсообеспеченные категории. С другой стороны, зафиксировано тревожное явление: доля обладателей минимального (1-го) уровня социального капитала выросла на 4%. Таким образом, на фоне «подтягивания» середняков произошло одновременное расширение наиболее депрессивной группы, чей социальный капитал минимален.

Понимание структуры социального капитала молодежного сообщества позволило перейти к анализу его связи с различными проявлениями в жизни респондентов, в частности с социальными настроениями и отношением к текущему общественному устройству.

Анализ взаимосвязи социального капитала с эмоциональным состоянием подтвердил выводы предыдущих лет: позитивный настрой прямо пропорционален уровню социального капитала. Однако в 2025 г. обращает на себя внимание рост доли респондентов с «прекрасным» и «нормальным» настроением в группах с низким (1–2-й) и средним (3-й) уровнями капитала по сравнению с 2024 г. (табл. 1). Это может указывать на появление новых, не связанных с социальным капиталом факторов, влияющих на общий эмоциональный фон молодежи.

Уровень социального капитала молодежи Вологодской области, 2024–2025 гг.

The level of social capital of young people in the Vologda region, 2024–2025

Источник: массовые опросы общественного мнения, апрель 2024, апрель 2025, ВолНИЦ РАН

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни?», процент, в зависимости от уровня социального капитала, с выделением изменений относительно 2024 г.

Table 1

Distribution of responses to the question “What would you say about your mood in recent days?”, in%, depending on the level of social capital, with changes compared to 2024 highlighted

Варианты ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Прекрасное настроение	17▲ (с 11%)	18▲ (с 16%)	24▼ (с 32%)	36▲ (с 26%)	47▼ (с 50%)
Нормальное, ровное состояние	52▲ (с 47%)	55▼ (с 64%)	58▲ (с 44%)	46▼ (с 50%)	35▼ (с 38%)
Испытываю напряжение, раздражение	17	21	14	16	18
Испытываю страх, тоску	0	1	0	2	0
Затрудняюсь ответить	14	4	4	0	0

Источник: массовые опросы общественного мнения, апрель 2024 г., апрель 2025 г., ВолНИЦ РАН

Более существенные изменения зафиксированы в оценке текущей жизненной ситуации (табл. 2). Тренд на позитивизацию оценок с ростом социального капитала сохраняется. Вместе с тем в 2025 г. произошел заметный сдвиг в распределении ответов внутри групп. Доля пессимистичных оценок («терпеть невозможно») парадоксальным образом выросла в группах с высоким (4–5-й уровни) социальным капиталом одновременно с ростом оптимистичных («жить можно»). Это может говорить о поляризации мнений внутри наиболее активной и интегрированной части молодежи: часть из них видит перспективы, в то время как другая — острее ощущает существующие проблемы.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, какое из приведенных ниже высказываний наиболее соответствует сложившейся ситуации?», процент, в зависимости от уровня социального капитала с выделением изменений относительно 2024 г.

Table 2

Distribution of responses to the question “Which of the following statements do you think best fits the current situation?”, in%, depending on the level of social capital, with changes compared to 2024 highlighted

Варианты ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Все не так плохо и жить можно	31▲ (с 26%)	30▼ (с 41%)	49▼ (с 52%)	48▲ (с 41%)	65▼ (с 69%)
Жить трудно, но можно терпеть	52	57	32	36	12
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	7▼ (с 11%)	11▼ (с 17%)	13▲ (с 10%)	14▼ (с 17%)	24▲ (с 0%)
Затрудняюсь ответить	10	3	6	2	0

Источник: массовые опросы общественного мнения, апрель 2024 г., апрель 2025 г., ВолНЦ РАН

При оценке удовлетворенности положением дел в стране/области/населенном пункте (табл. 3) вновь проявилась тенденция 2024 г.: чем ближе уровень к респонденту, тем выше оценки. Однако данные 2025 г. демонстрируют интересную инверсию. Удовлетворенность положением дел в стране среди обладателей 5-го уровня социального капитала резко снизилась (с 69% до 24%), в то время как удовлетворенность областью и населенным пунктом осталась на высоком уровне. Это может свидетельствовать о росте критичности наиболее социально активной молодежи к федеральной повестке при сохранении лояльности к региональной и местной власти.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Если говорить в целом, Вы довольны положением дел в ...?», процент, в зависимости от уровня социального капитала, с выделением изменений относительно 2024 г.

Table 3

Distribution of responses to the question “Overall, are you satisfied with the state of affairs in...?”, %, depending on the level of social capital, with changes compared to 2024 highlighted

Вариант ответа: Доволен	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Стране	0	30	30▲ (с 27%)	57▲ (с 33%)	24▼ (с 69%)
Области	7	40	44▲ (с 39%)	68▲ (с 57%)	71▲ (с 69%)
Населенном пункте	14	41	49	71	59
Источник: массовые опросы общественного мнения, апрель 2024 г., апрель 2025 г., ВолНЦ РАН					

Наиболее неожиданные результаты получены при анализе запроса на стабильность или перемены (табл. 4). Если в 2024 г. прослеживалась тенденция снижения доли «неопределившихся» по мере роста социального капитала, то в 2025 г. эта тенденция нарушается. В группе с максимальным (5-м) уровнем социального капитала резко выросла (до 24%) доля затруднившихся с ответом, практически сравнявшись с долей сторонников стабильности (29%), а доля желающих перемен выросла на 9% (до 47%). Это позволяет предположить, что молодые люди с наивысшим социальным капиталом находятся в состоянии ценностного и идейного поиска, не видя для себя однозначно привлекательного вектора развития страны.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, что сегодня для страны важнее — стабильность или перемены?», процент, в зависимости от уровня социального капитала, с выделением изменений относительно 2024 г.

Table 4

Distribution of responses to the question “What do you think is more important for the country today — stability or change?”, %, depending on the level of social capital, with changes compared to 2024 highlighted

Варианты ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены	28	40	59	59	29▼ (с 56%)
Страна нуждается в существенных переменах, нужны новые реформы в экономической и политической жизни страны	45	42	28	30	47▲ (с 38%)

Окончание таблицы 4

Варианты ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Затрудняюсь ответить	28	18	13	11	24▲ (с 6%)
Источник: массовые опросы общественного мнения, апрель 2024 г., апрель 2025 г., ВолНЦ РАН					

Восприятие сплоченности общества (табл. 5) в целом сохранило прошлогодние паттерны: чем выше уровень социального капитала и чем ближе социальная группа, тем выше оценки согласия. Тем не менее в 2025 г. группа с 5-м уровнем социального капитала продемонстрировала чуть более сдержанные оценки сплоченности в месте проживания и в своем окружении по сравнению с группой 4-го уровня. Это может быть следствием их более высокой информированности и требовательности к качеству социальных связей.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, чего сегодня больше: согласия, сплоченности или несогласия, разобщенности в ...?», процент, в зависимости от уровня социального капитала, с выделением изменений относительно 2024 г.

Table 5

Distribution of responses to the question “What do you think is more common today: agreement, cohesion, or disagreement, disunity in ...?”, %, depending on the level of social capital, with changes compared to 2024 highlighted

Вариант ответа: Больше согласия	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
в нашей стране	14	18	41	57	59
в нашей области	17	32	41	55	65
в месте вашего проживания	31	42	66	75	53
в вашем окружении	38	65▲ (с 63%)	78▲ (с 73%)	93▲ (с 91%)	82▼ (с 88%)
Источник: массовые опросы общественного мнения, апрель 2024 г., апрель 2025 г., ВолНЦ РАН					

Общая закономерность, связывающая высокий уровень социального капитала с убежденностью в справедливости общественного устройства, сохраняется: доля респондентов, считающих общество справедливым, в группах с 4–5-м уровнями капитала существенно выше, чем в группах с 1–3-м уровнями (41–47% против 10–25%). Однако если в 2024 г. рост уверенности в справедливости был строго линейным и довольно резким (от 5% на 1-м уровне до 63% на 5-м), то в 2025 г. картина изменилась. Во-первых, произошло общее снижение доли оптимистич-

ных оценок в группах с высоким капиталом по сравнению с прошлым годом (например, 5-й уровень упал с 63% до 47%). Во-вторых, связь перестала быть столь сильной: максимальный уровень социального капитала хоть и дает более высокие оценки справедливости, чем 4-й, но уже не демонстрирует того подавляющего оптимизма, который был зафиксирован годом ранее.

Это позволяет предположить, что даже наиболее интегрированная и социально активная молодежь в 2025 г. стала несколько более критично оценивать макросоциальную справедливость. При этом ее позиция все еще остается значительно более позитивной, чем у молодых людей с дефицитом социальных связей.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили современное состояние российского общества: оно устроено скорее справедливо или несправедливо?», процент, в зависимости от уровня социального капитала, с выделением изменений относительно 2024 г.

Table 6

Distribution of responses to the question “How would you rate the current state of Russian society: is it structured fairly or unfairly?”, %, depending on the level of social capital, with changes compared to 2024 highlighted

Варианты ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Справедливо	10▲ (с 5%)	22▲ (с 17%)	25▼ (с 39%)	41▼ (с 48%)	47▼ (с 63%)
Несправедливо	55▼ (с 68%)	53▼ (с 69%)	58▲ (с 44%)	46▲ (с 38%)	35▲ (с 19%)
Затрудняюсь ответить	35	25	17	14	18
Источник: массовые опросы общественного мнения, апрель 2024 г., апрель 2025 г., ВолНЦ РАН					

Заключение

Сравнительный анализ данных 2024 и 2025 гг. позволяет говорить о сохранении базовой закономерности: более высокий уровень социального капитала у молодежи Вологодской области связан с более позитивным восприятием действительности, лучшим эмоциональным состоянием и большей удовлетворенностью жизнью в своем локальном сообществе.

Однако ключевым результатом этого этапа исследования стало выявление более сложной, нелинейной динамики этой взаимосвязи во времени. Данные 2025 г. фиксируют не столько разрыв внутри групп, сколько сдвиг в настроениях наиболее социально активной части молодежи (носителей 4-го и 5-го уровней капитала). По сравнению с 2024 г. эта группа в 2025 г. продемонстрировала:

- снижение удовлетворенности положением дел в стране при сохранении высокого уровня удовлетворенности региональной и местной повесткой;

– рост неопределенности в вопросе о желательности общественных перемен, что привело к размыванию консолидированной позиции сторонников стабильности;

– более сдержанную, хотя по-прежнему преимущественно позитивную, оценку справедливости общественного устройства по сравнению с пиковыми значениями 2024 года.

Это позволяет предположить, что накопленный социальный капитал выступает не только ресурсом для безоговорочно позитивного восприятия, но и инструментом для более тонкой и критичной рефлексии. Наиболее интегрированная в социальные сети молодежь первой реагирует на усложнение общественной повестки, демонстрируя не апатию, а поиск новых ориентиров и более взвешенную оценку реальности.

Дальнейший мониторинг позволит понять, станет ли эта критическая рефлексия драйвером для новых общественных инициатив или же трансформируется в устойчивый скепсис. Социальный капитал молодежи остается важнейшим внутренним ресурсом развития региона, однако характер его связи с общественными процессами становится все более многогранным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Апенько С. Н., Лукаш А. В., Давыдов А. И. Интеграция университетов и работодателей — потенциал в формировании социального капитала // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 7. С. 144–164. doi: 10.31992/0869–3617–2024–33–7–144–164

Гужавина Т. А., Ясников Н. Н. Связь социального капитала с коллективными действиями в молодежной среде. Кейс Вологодской области. Научный результат // Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8, № 2. С. 106–123

Гусева П. Д. Демонстрации как форма неинституционализованного политического участия: связь с доверием к институтам и рисками политического режима (по данным европейского социального исследования, 2020–2022 гг.) // Социологический журнал. 2024. Т. 30, № 4. С. 54–78.

Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе: монография / Т. А. Гужавина, Д. В. Афанасьев, К. Е. Косыгина, Ю. В. Уханова, И. Н. Дементьева, Н. Н. Ясников, Д. А. Ластовкина. Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2022. 228 с.

Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб., 2000. 512 с.

Петухов Р. В. Институциональные изменения и динамика доверия местной власти в современной России // Социологические исследования. 2024. № 11. С. 74–86. DOI 10.31857/S0132162524110066

Пеша А. В. Факторы построения и развития академической карьеры: системный теоретический анализ // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 7. С. 9–34. doi:10.31992/0869–3617–2023–32–7–9–34

Региональный социальный капитал в условиях кризиса / Гужавина Т. А. Афансьев Д. В., Воробьева И. Н., Дементьева и др. // Череповец: ЧГУ, 2018. 220 с.

Ясников Н. Н. Социальный капитал молодежи Вологодской области // *Alma mater*. 2025. № 3. С. 30–36. DOI 10.20339/AM.03–25.030

Bano S., Cisheng W., Ali Nawaz Khan, Naseer Abbas Khan. WhatsApp use and student's psychological well-being: Role of social capital and social integration // *Children and Youth Services Review*. 2019. Vol. 103. P. 200–208, <https://doi.org/10.1016/j.chilyouth.2019.06.002>

Boat A. A., Syvertsen A. K., Scales P. C. The role of social capital in promoting work readiness among opportunity youth // *Children and Youth Services Review*. 2021. Vol. 131. P. 106270. <https://doi.org/10.1016/j.chilyouth.2021.106270.c>

Dolan P. Social support, empathy, social capital and civic engagement: Intersecting theories for youth development // *Education, Citizenship and Social Justice*. 2022. Vol. 17, no. 3. P. 255–267.

Iqbal M. M. A., Mahmood Q. K., Saud, M., & Hayat, N. Social capital and happiness in university students: a higher-order analysis // *International Journal of Adolescence and Youth*. 2023. Vol. 28, no. 1. <https://doi.org/10.1080/02673843.2023.2261526>

Jinho A., Jae-sung Choi. Impact of Social Capital on Social Isolation in Young Adults: A Longitudinal Analysis of Comparing the Employed and the Unemployed // *Forum for youth culture*. 2022. No. 72. P. 105–136.

Jordan L. P., Zhou X., Fang L., Wu Q., Ren Q. Remaining in School in Rural China: Social Capital and Academic Self-Efficacy // *Youth*. 2022. № 2. 138–149. <https://doi.org/10.3390/youth2020011>

Kan W. S. To explore the relationship between online social capital and future expectation among university students in Hong Kong // *International Journal of Adolescence and Youth*. 2023. Vol. 28, no. 1. <https://doi.org/10.1080/02673843.2023.2272616>

Kim E, Song M K. Profiles of Social Capital and the Association With Depressive Symptoms Among Multicultural Adolescents in Korea: A Latent Profile Analysis // *Front Public Health*. 2022. Vol. 8, no. 10. P. 794729. doi: 10.3389/fpubh.2022.794729.

Mou, X. (2025). The Intrinsic Logic, Realistic Dilemmas, and Development Path of Youth Physical Health Coordinated Governance Based on Social Capital Theory in China // *Frontiers in Humanities and Social Sciences*, Vol. 28, no. 1. P. 106–114. <https://doi.org/10.54691/g5a2rp84>

Ogden Laura J., Mazzucato V., Transnational Peer Relationships as Social Capital: Mobile Migrant Youth between Ghana and Germany // *Journal of Youth Studies*. 2021. Vol. 25, no. 3. P. 344–61. doi:10.1080/13676261.2020.1869197

Park Sung-Joon. The longitudinal effects of youth social capital on self-rated health // *Studies on Korean Youth*. 2018. Vol. 28, no. 2. P. 241–269. doi:10.14816/sky.2018.29.2.241

Pearce S., Kristjansson E. Perceptions of the Physical and Social Neighbourhood Environment and Youth Volunteerism: Canada's Capital Region // *Canadian Journal of*

Nonprofit and Social Economy Research. 2019. Vol. 10, Iss. 1. P. 41–60. DOI: <https://doi.org/10.22230/cjnser.2019v10n1a291>

Skobba K., Meyers D., Tiller L. Getting by and getting ahead: Social capital and transition to college among homeless and foster youth // *Children and Youth Services Review*. 2018. Vol. 94. P. 198–206, <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2018.10.003>

Sobba K. N. Correlates and buffers of school avoidance: a review of school avoidance literature and applying social capital as a potential safeguard // *International Journal of Adolescence and Youth*. 2018. Vol. 24, no. 3. P. 380–394. <https://doi.org/10.1080/02673843.2018.1524772>

REFERENCES

Apenko, S. N., Lukash, A. V., Davydov, A. I. (2024). Integration of universities and employers — potential in the formation of social capital. *Higher education in Russia*, 33(7), 144–164. (In Russ.). doi: 10.31992/0869–3617–2024–33–7–144–164

Guzhavina, T. A., Yasnikov, N. N. (2022). The relationship between social capital and collective actions among young people. Case of the Vologda region. *Scientific result. Social and humanitarian research*, 8(2), 106–123. (In Russ.).

Guseva, P. D. (2024). Demonstrations as a Form of Non-Institutionalized Political Participation: Relationship with Trust in Institutions and Risks of the Political Regime (Based on the European Social Survey, 2020–2022). *Sociological Journal*, 30(4), 54–78. (In Russ.).

Guzhavina, T. A., Afanasyev, D. V., Kosygina, K. E., Ukhanova, Yu. V., Dementeva, I. N., Yasnikov, N. N., Lastovkina, D. A. (2022). *Collective Actions and Social Capital in Russian Society*: Monograph. Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

Lisovsky, V. T. (2000). *Spiritual world and value orientations of the youth of Russia*. SPb. (In Russ.).

Petukhov, R. V. (2024). Institutional changes and the dynamics of trust in local authorities in modern Russia. *Sociological research*, 11, 74–86. (In Russ.). DOI 10.31857/S0132162524110066

Pesha, A. V. (2023). Factors in the construction and development of an academic career: a systemic theoretical analysis. *Higher education in Russia*, 32(7), 9–34. (In Russ.). doi:10.31992/0869–3617–2023–32–7–9–34

Guzhavina, T. A., Afansyev, D. V., Vorobyova, I. N., Dementyeva, I. N. and others (2018). *Regional social capital in times of crisis*. Cherepovets: ChSU. (In Russ.).

Yasnikov, N. N. (2025). Social capital of youth in the Vologda region. *Alma mater*, 3, 30–36. (In Russ.). DOI 10.20339/AM.03–25.030

Bano, S., Cisheng, W., Ali Nawaz Khan, Naseer Abbas Khan. (2019). WhatsApp use and student's psychological well-being: Role of social capital and social integration. *Children and Youth Services Review*, 103, 200–208. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.06.002>

- Boat, A. A., Syvertsen, A. K., Scales, P. C. (2021). The role of social capital in promoting work readiness among opportunity youth. *Children and Youth Services Review*, 131, 106270. <https://doi.org/10.1016/j.chilyouth.2021.106270.c>
- Dolan, P. (2022). Social support, empathy, social capital and civic engagement: Intersecting theories for youth development. *Education, Citizenship and Social Justice*, 17(3), 255–267.
- Iqbal, M. M. A., Mahmood, Q. K., Saud, M., & Hayat, N. (2023). Social capital and happiness in university students: a higher-order analysis. *International Journal of Adolescence and Youth*, 28(1). <https://doi.org/10.1080/02673843.2023.2261526>
- Jinho, A., Jae-sung, Choi (2022). Impact of Social Capital on Social Isolation in Young Adults: A Longitudinal Analysis of Comparing the Employed and the Unemployed. *Forum for youth culture*, 72, 105–136.
- Jordan, L. P., Zhou, X., Fang, L., Wu, Q., Ren, Q. (2022). Remaining in School in Rural China: Social Capital and Academic Self-Efficacy. *Youth*, 2, 138–149. <https://doi.org/10.3390/youth2020011>
- Kan, W. S. (2023). To explore the relationship between online social capital and future expectation among university students in Hong Kong. *International Journal of Adolescence and Youth*, 28(1). <https://doi.org/10.1080/02673843.2023.2272616>
- Kim, E., Song, M. K. (2022). Profiles of Social Capital and the Association With Depressive Symptoms Among Multicultural Adolescents in Korea: A Latent Profile Analysis. *Front Public Health*, 8(10), 794729. doi: 10.3389/fpubh.2022.794729.
- Mou, X. (2025). The Intrinsic Logic, Realistic Dilemmas, and Development Path of Youth Physical Health Coordinated Governance Based on Social Capital Theory in China. *Frontiers in Humanities and Social Sciences*, 5(1), 106–114. <https://doi.org/10.54691/g5a2rp84>
- Ogden, Laura J., Mazzucato, V. (2021). Transnational Peer Relationships as Social Capital: Mobile Migrant Youth between Ghana and Germany. *Journal of Youth Studies* 25(3), 344–61. doi:10.1080/13676261.2020.1869197.
- Park, Sung-Joon (2018). The longitudinal effects of youth social capital on self-rated health. *Studies on Korean Youth* 29(2), 241–269. doi:10.14816/sky.2018.29.2.241
- Pearce, S., Kristjansson, E. (2019). Perceptions of the Physical and Social Neighbourhood Environment and Youth Volunteerism: Canada's Capital Region. *Canadian Journal of Nonprofit and Social Economy Research*, 10(1), 41–60. DOI: <https://doi.org/10.22230/cjnser.2019v10n1a291>
- Skobba, K., Meyers, D., Tiller, L. (2018). Getting by and getting ahead: Social capital and transition to college among homeless and foster youth. *Children and Youth Services Review*, 94, 198–206. <https://doi.org/10.1016/j.chilyouth.2018.10.003>.
- Sobba, K. N. (2018). Correlates and buffers of school avoidance: a review of school avoidance literature and applying social capital as a potential safeguard. *International Journal of Adolescence and Youth*, 24(3), 380–394. <https://doi.org/10.1080/02673843.2018.1524772>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Николай Николаевич Ясников — преподаватель-исследователь, младший научный сотрудник; Вологодский Научный Центр РАН; г. Череповец, Россия.

Nikolay N. Yasnikov — research teacher, junior researcher; Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences; Cherepovets, Russia.

Статья поступила в редакцию 05.02.2026;
одобрена после рецензирования 17.03.2026;
принята к публикации 17.03.2026.

The article was submitted 05.02.2026;
approved after reviewing 17.03.2026;
accepted for publication 17.03.2026.